

"НОРМАЛИЗАЦИЯ" ВЕНГРИИ ПОСЛЕ 1956 ГОДА

"Нормализация" Венгрии началась с поражения в 1956 г. Именно этот факт отличает Венгрию от Чехословакии 1968-1969 гг. Поражение Пражской весны с точки зрения его влияния на историческое сознание чехов и словаков было, возможно, не меньшей травмой, однако в Венгрии ощущение разгрома было тотальным и немедленным, тогда как в Чехословакии оно затормозилось временными надеждами, которые поддерживались правящими кругами. Польша и после 13 декабря 1981 г. не пережила такого удара, который перенесли венгры осенью 1956 г. Среди венгерской общественности, за исключением немногочисленных коммунистов, общим было убеждение, что нация как таковая погибла.

Как ни парадоксально, но именно этим отчаянием воспользовались "нормализаторы". Все, что оказалось хоть сколько-нибудь меньшим злом, было воспринято как неожиданный дар свыше. Первые шаги властей имели целью усиление сознания необратимости процесса, поскольку безнадежность является обязательной базой нормализации советского типа. На укрепление этой базы потребовалось около четырех лет (1957-1961). Режим, по словам Ференца Фехера, инстинктивно следовал правилу Макиавелли, что наказание должно быть быстрым и эффективным. Всегда легче осуществить краткосрочную кампанию массовых репрессий, чем вести более умеренную кампанию бесконечно. Нет надобности приводить данные о размерах репрессий с 1957 по 1959 гг.: они хорошо известны. Я хотел бы только добавить, что коллективизация в 1959-1961 гг. представляется мне их логическим продолжением. Коллективизация была нарушением обещания властей сохранить частное сельское хозяйство и привычный образ жизни венгерских крестьян. Однако

без коллективизации сельского хозяйства вторичное порабощение венгерского народа было бы незавершенным и сознание необратимости этого порабощения не было бы безусловным.

* * *

Консолидации коммунистического режима в Венгрии способствовали следующие факторы:

1. В годы хрущевского правления Москва не требовала реставрации порядков, вызвавших революцию 1956 г. Москва не возражала, чтобы Венгрия стала своего рода лабораторией, в которой проводились бы экспериментальные реформы коммунизма и более гибкая политика. Кадар воспользовался этой возможностью, и Фехер прав, называя установленный в Венгрии режим "хрущевским идеалом коммунистического государства".
2. Относительная молодость коммунистического режима в Венгрии. К 1956 г. коммунистический режим существовал в Венгрии всего 12 лет, даже меньше, если исключить 1945-1948 гг. Поэтому идея "начать заново", которая пропагандировалась в первые годы власти Кадара, не была априорно абсурдной. Она не имеет ничего общего с официальными призывами польских властей к "обновлению", поскольку этим призывам не верят даже сторонники польского режима. В Чехословакии к началу "нормализации" коммунистическому режиму было уже более двадцати лет. А за 20 лет укореняются обычаи, преодолеть которые очень трудно даже при наличии воли к изменениям.
3. Возможность экономической помощи со стороны СССР. Венгрия — небольшая страна, и в то время состояние советской и венгерской экономики было вполне удовлетворительным по сравнению с 1982 г., когда разворачивались польские события. В 1957 г. и несколько последующих лет Советский Союз "вкладывал деньги" в Венгрию — у СССР тогда были возможности для этого. Были возможности и для экономической помощи Чехословакии 12 лет спустя, что, видимо, способствовало успеху "нормализации". Позже, однако, ресурсы Советского Союза оказались исчерпанными.

4. Кроме значительной советской помощи и благоприятной корреляции между надеждами и возможностями в экономической сфере, нормализации способствовали реформы, основы которых были разработаны в 1953-1956 гг. Программы радикальной экономической реорганизации не ассоциировались с именем Надя, хотя в определенном смысле они шли дальше его предложений. Но до 1956 г. эти программы еще не формулировались четко даже в кругу экономистов. Когда, примерно в 1964 г., началось серьезное обсуждение реформ, по этому вопросу было достигнуто единство; расхождения носили лишь семантический характер. У реформ не было противников — их необходимость признавали даже некоторые консервативные представители режима.

5. Сыграла определенную роль и сложная личность Яноша Кадара. Возможно, какое-то время он был наиболее непопулярным человеком в стране. Но, по всей вероятности, он никогда не был объектом ненависти как Ракоши и Гере. Даже в самые мрачные времена его правления многие воздерживались от обвинений Кадару. Внутри партии его успеху способствовало умение придерживаться "центристского" курса, невзирая на сильную оппозицию аппарата, или, иначе говоря, умение сформулировать курс таким образом, чтобы привлечь симпатии как сознательных, так и потенциальных реформистов.

Партия Кадара — единственная в Восточной Европе, которой после 1956 и 1968 гг. удалось не только сохранить свое реформистское крыло, но и способствовать укреплению этого крыла. Среди венгерской общественности Кадар приобрел репутацию если не реформиста, то, по крайней мере, человека понимающего, который, невзирая на связь с советскими коммунистами, озабочен нуждами нации. В определенном смысле представление о Кадаре не менялось с 1957 г.: он представляет собой "наименьшее зло". Шок 1956 г. психологически подготовил венгров к подчинению носителю "наименьшего зла".

* * *

Однако было бы преувеличением представлять процесс венгерской нормализации прямолинейным. В самом начале нормализация натолкнулась на несколько препятствий:

1. Рабочий класс решительно отказывался поддаться увещаниям Кадара по поводу "контрреволюционной опасности" и сплотиться вокруг "обновленной" компартии. На протяжении первых месяцев своего существования режим Кадара находился в постоянном конфликте с рабочими комитетами, ликвидация которых в начале 1957 г. надолго уничтожила какую бы то ни было возможность диалога с рабочим классом.

2. Некоммунистические политические группы, выжившие со времен демократической коалиции (1945-1948 гг.) и проявившиеся в ходе революции, отказывались мириться с положением, навязанным СССР, и, в особенности, со свержением Имре Надя. Этот отказ вынудил Кадара, который сам тяготел к многопартийности, прибегнуть к испытанной форме правления одной партии.

3. Попытки (которые предпринимались и советскими представителями через румынских коммунистов) привлечь на свою сторону Имре Надя и часть его соратников для того, чтобы новый режим выглядел реформистским. В конце концов, Кадару удалось достичь этого, то есть добиться поддержки оставшихся в живых сторонников Имре Надя.

4. В ответ на арест Тибора Дери и других представителей культуры интеллигенция заняла позицию пассивного сопротивления. Лишь через несколько лет большинство известных деятелей венгерской культуры согласилось на примирение с режимом. Грубо говоря, эта поддержка интеллектуалов была достигнута путем сочетания классических коммунистических методов (шельмование, подкуп, зажим и т.д.) с шагами навстречу интеллигенции, которые осторожно предпринимал новый режим. Впрочем, этот вопрос слишком сложен и заслуживает самостоятельного анализа.

5. Последнее и, быть может, самое важное: угроза центристскому курсу Кадара и самому Кадару со стороны уцелевших сталинистов (Реваи и других), которые в начале 1957 г. обвиняли его в нерешительности. Возможно, при тогдашнем положении дел в московском руководстве, эта контратака не была серьезной угрозой реставрации сталинизма, но она была достаточно весомой, чтобы похоронить первый проект экономиче-

ской реформы, который подготовил зимой 1956-1957 гг. профессор Иштван Варга, известный экономист и немарксист, хотя вначале венгерское руководство было склонно последовать его рекомендациям. Угроза режиму со стороны сталинистов существенно повлияла и на позицию Кадара по отношению к сторонникам Имре Надя, а в более широком плане эта угроза определила суровость приговоров участникам восстания. Не исключено, что и внезапный поворот в аграрной политике (возвращение к коллективизации и т.д.) тоже было следствием контратаки сталинистов, хотя в данном случае могло проявиться влияние Китая. В период с 1958 по 1961 гг. Венгрия была приведена к молчанию и повиновению, и ничто не предвещало "компромисса", проявившегося лишь через несколько лет.

* * *

Трудно точно определить момент, когда был сделан поворот к этому компромиссу. Скорее всего, мысль о примирении с собственным народом никогда не оставляла Кадара. Однако вначале он должен был подчиниться жестокой логике репрессий и к тому же представить доказательства своей надежности тем, кто его контролировал и был готов накинуться на него, как только он оступится. Наконец, Кадар понимал, что умиротворение станет возможным лишь после полного примирения страны с восстановлением советских порядков. Первым знаком компромиссов была объявленная в начале 60-х годов частичная, а затем и полная амнистия участникам восстания, разрешение заграничных поездок, возобновление экономической дискуссии и т.д. Проводя политику умиротворения, Кадар собирал вокруг себя независимо мыслящих людей и одновременно стремился избавиться от наиболее мешавших ему сталинистов. К 1981 г., ко времени последнего съезда Венгерской социалистической рабочей партии, в верховном партийном руководстве сталинистов уже не осталось. Однако трудно определить решающий фактор в этой борьбе и объяснить возобладание той или иной тенденции в каждый определенный момент и почему, по истечении 25 лет, борьба против сталинизма увенчалась успехом (я полагаю, нынешний итог с большим основанием можно назвать успехом, нежели поражением).

Важный момент: Кадар никогда не замахивался на политический фундамент режима. Политические институты Венгрии таковы же, как и остальных стран Восточной Европы: монополия коммунистической партии оставалась в неприкосновенности; так называемые представительные органы (парламент и т.п.) не более чем витрина; печатная и устная пропаганда, книжные издательства и студии звукозаписи находятся под строжайшим контролем; законность следует партийным директивам; никакая — политическая, профсоюзная, культурная или общественная деятельность невозможна вне официальных рамок: иными словами, любая ассоциация должна быть одобрена партийным аппаратом и находиться под его контролем. В отличие от Польши, даже церковь (и протестантская и католическая) не восстановила своей независимости. В кадаровской Венгрии осуществляется, быть может, самый эффективный контроль над церковью. Здесь церковь находится в гораздо большей зависимости от коммунистического правительства, чем в соседних странах, которые во всех других отношениях гораздо менее "либеральны". Конечно, контроль этот не тотален, и между контролирующими и контролируемыми возможны конфликты. Но тем не менее, Венгрия является социалистической страной ленинского типа, а именно: бюрократы прочно занимают свои посты, и контроль правительства над населением доведен до совершенства (по крайней мере, теоретически).

* * *

Экономика — это практически единственная область, в которой Кадар пошел на определенные эксперименты. На первый взгляд, венгерская экономика мало чем отличается от советской в организационном отношении: земля коллективизирована на 95%; тяжелая промышленность и торговля, за небольшим исключением, контролируются государством, т.е. предприятия подчиняются директивам министерств; рабочая сила лишена возможности абсолютно свободного передвижения и т.д. Если, начиная с 1968 г. экономика страны действует по-иному, то лишь благодаря новым правилам игры, принятым в социалистическом планировании. Реформа способствовала созданию ваку-

ума, в который смогли устремиться прежде связанные силы, накопившиеся в обществе. Однако реформисты были достаточно осторожны, чтобы не затрагивать институтов, которые советское руководство считает фундаментальными.

Анализ экономической реформы в целом не входит в задачу автора, однако, стоит все-таки остановиться на трех моментах.

Во-первых, реформа получила широкую поддержку и специалистов и общества. Вопреки высказываемым иногда утверждениям, население, в том числе и рабочий класс, не сопротивлялось реформе, так как все социальные слои общества получали те или иные выгоды (в частности, как показал социолог Иштван Кемени, реформа 1968 г. дала свободу передвижения для промышленных и сельскохозяйственных рабочих).

Во-вторых, реформа дала режиму возможность предложить народу взамен разбитых надежд ощутимые материальные выгоды. Таких сделок за счет свободы немало было в истории, и нет нужды останавливаться здесь на этом. Во всяком случае, если коммунистический режим преуспел в новом покорении венгров в сравнительно короткий срок после событий 1956-1958 гг., то лишь благодаря предоставлению народу благополучия и тому, что условия негласно заключенного тогда общественного договора соблюдаются и по сей день. Но без реформы соблюдение этого договора в течение долгого времени было бы невозможным.

В-третьих, реформа существенно изменила экономическую политику, переключив внимание на заботу о внутреннем благосостоянии. Даже в незавершенном виде реформа сделала Венгрию ареной первого эксперимента по созданию потребительского общества социалистического типа — все население страны получило возможность достойного существования, хотя и без излишеств; идеологическое и политическое напряжение в стране заметно ослаблено.

Однако венгерская реформа никогда не ставила под сомнение такие догмы советской организационной модели как обобществление средств производства, преимущества плановой системы хозяйства и др. Она лишь модернизировала практическое использование этой модели.

* * *

Кадализм определяется и характеризуется скорее "состоянием духа" (настроением), нежели какой-либо политической линией или интеллектуальной идеей. В этом "состоянии духа" сплетены в равной мере личный опыт индивидов и осознание сложности ситуации, в которой они оказались: примирение с ограничениями, наложенными советским руководством, и ориентация на возможное в данных условиях; желание избежать эксцессов, спровоцированных событиями 1956 г., ужас перед их возможными последствиями и стремление к гражданскому миру; признание законов экономики, включая и жесткие; относительная терпимость к обычной коррупции (это особенно удивительно у Кадара, который сам держится весьма достойно и имеет умеренные личные запросы) и т.д. Короче говоря, для кадализма характерны умеренность и реализм, и не только на словах. Именно в этом проявляется истинное уважение к желаниям народа и приспособление к ним официальной доктрины. Основное правило кадализма — избегать напряжения, а в случае его возникновения немедленно принимать меры по его ликвидации. До тех пор, пока давление со стороны СССР в обратном направлении не является непреодолимым, режим избегает действий, которые могли бы спровоцировать население или привести к нежелательному возбуждению общественного мнения. Возможно, в этом объяснение малой активности Кадара во внешней политике. Не подвергая сомнению советскую модель, он старательно избегает ее крайностей.

Конечно, такая линия поведения, если ее придерживаться последовательно, требует определенных уступок. В мере этих уступок и заключается разница между Венгрией и "нормальными", обычными советскими сателлитами.

* * *

Проанализируем эти уступки и их восприятие большинством населения Венгрии.

1. Сфера личной жизни, включая досуг, снова стала достоянием индивидуумов, т.е. свободной от какого бы то ни было официального контроля. Вовлечение населения в "массовые ор-

ганизации" практически прекратилось; принуждение к труду (так называемые коммунистические субботники и студенческие трудовые лагеря) сведено до минимума, и в результате частная жизнь, "личное счастье", индивидуальное и семейное благополучие снова обрели право на существование.

2. Прежде непререкаемая власть полиции и местных партийных функционеров в значительной степени уменьшилась. Законы страны стали восприниматься как стабильные и долговечные, что отличает Венгрию от остальных стран с системами советского типа. Обеспечена все-таки определенная неприкосновенность личности, которой лишена лишь политическая оппозиция. Но при этом сами законы были дарованы в качестве своеобразной индульгенции, и в любой момент их действие может быть приостановлено. Тем не менее, регламентация повседневной жизни, гражданского права и некоторых областей общественной жизни могут публично обсуждаться (главным образом на страницах газет). Режим совершенно очевидным образом пробует привести эти законы в соответствие с желаниями общества и даже с практикой конституционных государств.

3. Право владения небольшими хозяйствами нарушила насильственная коллективизация 1959-1961 гг., но впоследствии оно было восстановлено в принципе и постепенно расширилось, особенно в сельском хозяйстве, где к производству на "семейной основе" относятся не только терпимо, но и поощряют его, благодаря чему оно развивалось и превратилось чуть ли не в деятельность производственных кооперативов. Симбиоз коллективных и частных хозяйств, возможно, и является объяснением так называемого венгерского сельскохозяйственного чуда. Секрет этого чуда чрезвычайно прост: коммунистическое государство перестало препятствовать процветанию крестьянства.

За последние 20 лет число небольших ферм и землевладений увеличилось — это земельные участки, огороды, сады и т.д., приобретаемые семьями горожан и превращаемые ими в дачи с небольшими хозяйствами, приносящими дополнительный доход. Ныне более 50% венгерских семей так или иначе вовлечены в производство сельскохозяйственных продуктов. Другой очень важный вид частных владений — дома. Поняв, наконец, какую

выгоду можно извлечь из этого сектора частной собственности, государство пришло к решению стимулировать и расширять всеми имеющимися в его распоряжении средствами (займами на выгодных условиях и т.д.) частные и кооперативные владения. С конца 70-х годов были разрешены частные предприятия в некоторых отраслях промышленности, торговли и в сфере услуг. Разумеется, это не означает, говоря юридическим языком, что на повестку дня поставлена денационализация. Однако происходит деколлективизация сельского хозяйства в форме сдачи земель в аренду, в разрешении самоуправляемых групп, члены которых заключают контракты с предприятиями, приобретая права их партнеров, что меняет их прежнее положение наемных работников. Вводятся и другие формы партнерства. В этих начинаниях проступают некоторые черты народного капитализма, основным принципом которого сторонники чикагской экономической школы считают право на собственность. Не определившаяся и пока еще неустойчивая, эта система отвечает нуждам государственной экономики, повышая производительность труда и расширяя распределение ответственности, и в то же время импонирует буржуазным запросам населения.

4. Значительные уступки были сделаны в области планирования. Режим отказался от волюнтаристического управления, чтобы привести производство в соответствие с действительными нуждами страны. Необходимость такой реформы была осознана задолго до 1968 г.; проведение этой реформы в 1968 г. создало базу для примирения общества с правительством. Однако, если подразумевать под реформой соответствие производственного аппарата запросам рынка, то до сих пор реформа не является полной. Главным препятствием оказался не столько Советский Союз, сколько прежние кадры управления, главным образом, министерские бюрократы, которые противились новым правилам, противоречащим их устоявшимся привычкам.

Режим принял в расчет это сопротивление и в итоге уступил ему. Ведь Кадар никогда не стремился к отказу от системы или от услуг ее лучших политических кадров. Кадар всегда выбирал средний путь между силами давления.

5. Нововведения Кадара в кадровой политике, которые он последовательно проводил, начиная с середины 60-х годов: без-

условное предпочтение специалистам, даже абсолютно аполитичным, перед работниками, у которых единственным достоинством является верность партии. Как правило, от кандидата на ответственную *техническую* должность требуется лишь компетентность в его будущих непосредственных обязанностях. От него не требуют ни клятв в верности, ни внешних проявлений энтузиазма. В результате в настоящее время специалисты составляют большинство среди руководства даже на высоких уровнях, за исключением тех должностей, о существовании которых можно лишь догадываться. Однако на всех уровнях ведущий персонал тщательно контролируется партийным и полицейским аппаратом. Отклонения и оппозиционные выступления влекут придирки, замедление продвижения по службе, отказ в заграничном паспорте и т.д., а еще чаще организуется давление коллектива, конформистское сознание которого предохраняет его членов от отклонений и помогает правительству обойтись без крайних мер.

Власти действуют таким образом повсюду, не всегда даже обеспечивая физическое присутствие своих прямых представителей.

6. Очень важная уступка режима — сближение с Западом, достигнутое для всех граждан. Это означает, что:

а) печать, кино и телевидение довольно широко открыты для западной продукции, включая произведения массовой культуры, особенно популярные среди молодежи;

б) управляемая государством торговля имеет широкие возможности импортировать и предметы роскоши, и товары широкого потребления в ассортименте и в объеме, достаточных, чтобы удовлетворить спрос;

в) выезд в страны западной демократии хоть и ограничен под предлогом, что иностранная валюта слишком дорога и необходима государству, но визу может получить фактически любой гражданин (по крайней мере, в течение последних 12 лет), за исключением тех, кого правительство может считать политически неблагонадежным. Возможность туристических поездок на Запад, и индивидуальных и семейных, в глазах венгров является крупнейшим завоеванием со времени 1956 года, причем некоторые используют предоставившуюся им возможность, чтобы остаться за рубежом. Похоже, пра-

вительство не слишком расстроено этим обстоятельством, хотя среди остающихся за рубежом немало молодежи. Возможно, Кадар, подобно Фиделю Кастро, считает, что такого рода эмиграция — хороший способ снижения внутреннего давления.

7. Наконец, интеллигенция и творческие работники получили некоторые свободы, хоть и ограниченные, но все-таки достаточно ценные и уж, конечно, намного более широкие, чем при других коммунистических режимах до сих пор (лишь режимы Гомулки и Герека можно считать еще более терпимыми). Литература и искусство освободились от ярма социалистического реализма и необходимости носить пропагандистский характер. Наибольшую свободу получили представители науки: в истории и социологии дозволены дискуссии по довольно деликатным вопросам, которые могут взволновать общество. Однако требуется тактичный и умеренный тон обсуждения и имеется несколько запретов: нельзя ставить под вопрос роль СССР, принципы марксизма-ленинизма и социализма как оптимального социально-экономического строя. Разрешена даже ретроспективная критика решений коммунистического режима в прошлом, изучение судебных исторических лиц и групп, исчезнувших в ходе борьбы за власть.

Однако вовсе не всякую правду можно высказывать громко, и вовсе не все результаты разрешенных властями исследований можно опубликовать. Ограничения на публикации и публичные выступления гораздо строже ограничений на научные исследования. Цензура ревниво охраняет неприкосновенность всех "табу" и пресекает даже косвенное обсуждение законности режима. В результате многие интересные научные труды, иной раз наиболее интересные, не циркулируют; если они не попали под полный запрет и конфискацию, то ознакомиться с ними может лишь весьма ограниченный круг лиц. Сложившаяся ситуация чревата парадоксами и напряженностью, и в этом причина оппозиционных настроений в кругах интеллигенции.

* * *

Довольно внушительный перечень уступок может создать неверное впечатление об отработанности, завершенности структуры кадаровского режима. В действительности же политика

формировалась находу, под сложным воздействием разнородных ограничений; она колебалась в зависимости от давления, которое испытывала с разных сторон, то и дело выходя из состояния зыбкого равновесия. Кадаризм эмпиричен, и не следует искать в нем какую-либо логическую последовательность и тем более — доктрину. Политика кадаризма не всегда развивалась в одном и том же направлении; ее направлял человек, сам раздираемый различными соблазнами, во многом противоречивыми, и характер Кадара наложил отпечаток на его политику.

Кадаризм можно интерпретировать по-разному. Это показал сам Кадар, заявив в марте 1981 г., что вся его политика в течение прошедших 25 лет была лишь "данью" 1956 году. Буквально это означает, что не будь революции 1956 г., Кадар вел бы совершенно иную политику! По словам свидетелей, именно это он и утверждал. Он даже заявил, что впредь такая "дань" уже не будет необходимой, так как работа по консолидации завершена. Это заявление было сделано не без влияния эмоций, вызванных событиями в Польше, и нет оснований сомневаться в его достоверности. Но как бы то ни было, с марта 1981 г. политика Кадара не подверглась существенным изменениям, наоборот — ее реформистский характер усилился, особенно в экономике. Странное заявление Кадара в юбилейном докладе — еще одно свидетельство того, что политика режима не всегда развивается в соответствии с желаниями его главы.

* * *

Какими бы ни были намерения Кадара, его политика оказалась достаточно привлекательной, чтобы нейтрализовать большую часть своих оппонентов и даже объединить вокруг себя определенное число потенциальных противников. В первую очередь это относится к реформистам. Но то же самое произошло и с "рабочей оппозицией", фактически выступавшей против реформы. Вскоре после освобождения из заключения многие "герои пятьдесят шестого" получили высокие должности, а некоторых из них (Тибор Дери!) окружили почетом и тем предотвратили организацию оппозиционных групп вокруг них. Странники народнической тенденции среднего класса и сельского населения тоже в мире с Кадаром и даже обнаружили в кадаровском ва-

рианте коммунизма осуществление своих идеалов. За исключением молодых католиков из "основных коммун" и молодых радикалов-"самиздатчиков", практически нет социальных групп, которые были бы в открытой оппозиции или организовывали бы скрытое сопротивление.

Другими словами, в Венгрии коммунистический режим после первоначальных трудностей глубже, чем где бы то ни было, проник в общество и действует изнутри. Союз режима с обществом был достигнут благодаря определенным уступкам властей. В отличие от режимов в соседних странах Восточной Европы, режим Кадара не только преуспел в нейтрализации общественных сил в стране, но и сумел создать своего рода *modus vivendi* на основе относительного единодушия, истоки которого приводят к 1956 г.

В результате трагических событий того времени народ понял, где находится граница, которую не следует переступать, а центральная власть осознала необходимость реформ. Из-за невозможности изменить основные правила игры, венгры стали следовать тем, которые предложил им режим Кадара. Этот режим они не только приняли как наименьшее зло, но и признали его в качестве посредника в отношениях с СССР, как своего рода союзника. Отсюда и конформизм венгерского общества и изолированность любой оппозиции. Партия и подчиненные ей организации твердо держат бразды правления, и самые различные круги (писатели, ученые, Епископат и т.д.) поддерживают власть. Режим искусно разрешает большинство социальных конфликтов, главным образом благодаря оперативности необходимых мер: руководство хорошо информировано о происходящем в обществе и готово, когда это требуется, пойти на уступки, пусть иногда незначительные. Поэтому забастовки в Венгрии продолжаются не дольше нескольких часов, и в большинстве случаев осторожно улаживаются. Режим не предоставляет профсоюзам независимости, но соглашается и даже заинтересован в том, чтобы профсоюзы официально передавали руководству жалобы рабочих. Власть внимательно прислушивается к предупреждениям, которые формулируют для них эксперты.

* * *

* * *

Единственная проблема, которую Кадар не в силах разрешить удовлетворительно, это судьба венгерских меньшинств, рассеянных по соседним с Венгрией странам. Кадар вовсе не националист, особенно по сравнению с другими восточноевропейскими лидерами. Зная об озабоченности своих соотечественников этой проблемой, он долгое время считал ее просто сентиментом и предпочитал не замечать, так как вопрос судьбы венгерских меньшинств в других странах лежит в области внешней политики, точнее, советской внешней политики. Именно поэтому данная проблема не может породить осложнений между режимом и обществом, но она жива, внутреннее напряжение не снимается, и рано или поздно ею придется заняться.

* * *

Каковы перспективы кадаризма? Как всякий утвердившийся режим он и в будущем (по крайней мере, в ближайшем будущем) будет характеризоваться спокойствием в стране и отсутствием сюрпризов. На данном временном отрезке развитие событий будет зависеть от факторов, внешних по отношению к Венгрии, прежде всего — от настроений будущих лидеров СССР: от того, решат ли они еще более урезать независимость своих сателлитов или начать поощрять эксперименты, подобные венгерским.

Будущее кадаризма зависит, кроме того, от способности венгерского руководства упрочить практику решения проблем в духе чистого прагматизма. Кадаризму присущ абсолютно новый элемент по сравнению с ленинизмом — вернее, новая роль, отводимая государству. На практике кадаризм отверг ленинско-сталинскую доктрину, согласно которой государство — абсолютный руководитель и инициатор буквально всего, и исходит из идеи, что потребности общества развиваются в определенной степени автономно; что они противоречивы, как само общество, и что для обеспечения этих потребностей государство должно быть арбитром, а не издателем декретов. Из этого вытекает признание законов рынка, поскольку он помогает социалистическому государству выявить потребности общества: эти потребности заявляют о себе сами и конкурируют друг с другом. Такая точ-

ка зрения на рынок (не столько либеральная, сколько технократическая) является существенным отступлением от ленинской доктрины партии-руководителя. Будущее кадаризма будет в большой степени зависеть от его способности преодолеть чисто технократический подход и допустить наряду с контролируемым рынком организованное выражение профсоюзных, политических и вообще демократических интересов.

Однако и в нынешней форме кадаризм, непоследовательный и незавершенный, может стать моделью для других режимов советского типа, которые озабочены проблемой объединения общества и ищут пути к этому. У венгерского "экономизма" уже появились если не последователи, то, по крайней мере, желающие ему следовать (Болгария, Польша). Ныне вопрос в том, имеет ли экономический реформизм какие-либо надежды на успех вне контекста социального компромисса.

Перевод Льва Вайнштейна